

Особенности взаимодействия автора и читателя в творчестве Щедрина

Сафронов Илья Константинович

аспирант

МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, Россия

email: i.k.s@list.ru

Особенности взаимодействия Салтыкова-Щедрина и его читателя уже не раз становилось предметом исследований щедриноведов. В этом направлении можно отметить многие работы, и наверно более всего исследования В.В. Прозорова, не раз обращавшегося к этой теме. Однако в данной работе предпринята попытка посмотреть на это взаимодействие с новой стороны, со стороны того, какие средства использует Щедрин в поэтике своих романов для того, чтобы усилить этот контакт с читателем. Здесь стоит заметить, что в современном щедриноведении практически пока отсутствует целостное, нештамповое восприятие специфики щедринских литературных средств. Так разрушение традиционных форм и профанация традиционных для того времени литературных методов и средств Щедриным обычно воспринимается в русле поиска сатириком новых форм и его острой позицией по многим общественно–политическим вопросам. В тоже время эти же «разрушающие» средства можно оценивать и как созидающие, в том числе и новое качество контакта автора, Щедрина, и читателя. В данном докладе будут рассмотрены два аспекта: профанация рассказчика и профанация формы романа.

Фигура и функция рассказчика претерпевает своеобразные изменения в щедринской системе. Сатирик не ликвидирует эту фигуру, но смысл ее приобретает новое звучание. Рассказчик у Щедрина перестает быть посредником между автором и читателем, он не представляет собой никакого промежуточного буфера, он не надел провиденциальным взглядом традиционного рассказчика, который видит события с некоторой высоты, автор не передает ему свое знание о будущем ходе романа, не вкладывает ему в уста пространных и глубоких рассуждений, за которыми маскируется он сам. Эту маску Щедрин отбрасывает.

Щедринский рассказчик – такой же герой, как и все остальные, настолько же запутанный и зачарованный миром и ситуацией, которые описывает Щедрин, как и все прочие персонажи. Он ничем не выделяется: ни умом, ни глубиной взгляда, ни особым социальным положением. Он во всем равен всем остальным.

Первичное впечатление складывается в том смысле, что такой прием свидетельствует о своеобразной честности автора перед читателем. Автор настолько «уважает» читателя, что не считает должным каким–либо образом приводить к компромиссу между текстом и читателем, как это делает например пушкинский или гоголевский рассказчики, которые для удобства читателя располагают текст последовательно, стабилизируют хронотоп, нормируют степень изображения иных социальных реальностей, например крестьянского быта.

Можно даже сказать, что положение рассказчика «плоть от плоти» среды, описываемой Щедриным в каждом конкретном романе, подчас служит лишь практической функции – дает возможность автору максимально погрузиться в описываемую среду. Однако, как это и свойственно щедринской поэтике, «максимальное погружение» на одном уровне отзывается и на другом, более высоком. В данном случае уровне взаимодействия автора и читателя.

Скомпрометированная фигура рассказчика, служащая в "классическом" романе ориентиром и опорой, точкой фокуса читательского взгляда, удаляется. Читатель остается один на один с автором.

Отсутствие скрепляющей фигуры рассказчика-медиатора разбалансирует и настроение текста, эмоциональный фон. Щедрин усугубляет это, перегружая текст оценочностью. Эмоциональный фон становится крайне неустойчив и характеризуется постоянными переходами в разные модальности – от обличительного тона до тонкой лирической зарисовки. В данной ситуации положение читателя становится симметрично положению героя в романе – он оказывается в некоем поле, где ему не на что опереться, нет магистральной идеи.

Таким образом, полностью погруженный в ткань текста читатель практически с благодарностью добирается до конца главы, где обычно Щедрин услужливо расставляет читателю силки авторского моралите.

Продолжая говорить о выбивании точек опоры, нужно сказать и о форме щедринских текстов, которая носит совершенно специфический характер. Сплав публицистичности и художественности, смещение акцентов с традиционных фигур героев и рассказчика, хаотичность сюжета, синтез автобиографизма и идеологии раскачивают традиционные жанровые представления. На этом уровне совершенно четко ощущается щедринская амбивалентность, разнонаправленность текста.

Жанр является своеобразным проводником между читателем и писателем. Жанр позволяет упорядочить поток текста, направить текст в одно из традиционных русел. Писателю он диктует выполнения требований формы, выдержанности произведения в некоем общем сюжетно-композиционном ключе. Читателю же он дает возможность подключиться к традиции восприятия данного жанра, а значит получить априорный опыт, еще до прочтения текста. Прочитав в подзаголовке «трагедия» или «комедия» читатель (воспринимающий) практически автоматически «перестраивается» в нужный регистр.

Щедрин же вскрывает традиционную жанровую структуру. Он вносит в текст гетерогенные элементы, наполняет его разного рода отступлениями, вставками, мизансценами и т.д. Разрушая традиционную жанровую структуру, писатель разрушает и традиционные ожидания читателей. Читатель оказывается в замешательстве, поскольку не может использовать сложившуюся традицию трактовки некоего жанра. Это приводит к двум немаловажным эффектам. Прежде всего, Щедрин устраняет посредника между писателем и читателем, разрушает стену «предшествующей традиции», соответственно он получает возможность более тесного контакта с читателем. Во-вторых, сатирик активизирует читательское внимание. Читатель должен постоянно следить за текстом, так как в отличие от традиционного романа читатель не знает правил построения текста и не может продуцировать сюжет, для него слишком много пробелов в тексте. В этом смысле хотелось бы упомянуть теорию пробелов (gaps) Вольфганга Изера (Wolfgang Iser). Он считает, что любой текст содержит в себе некоторое количество пробелов, т.е. мест, непонятных читателю, неких умолчаний, которые читатель должен реконструировать исходя из общего фона, направления книги. Отсутствие этих «пробелов» делают книгу неинтересной для читателя, т.к. если он все понимает и все знает в этой книге, то зачем ее ему читать. В этом плане щедринский текст максимально активизирует внимание читателя, поскольку очень динамичен и изменчив.